

— Если бы не было чувств, зачем бы они стали рисовать другого человека без причины? Хотя дядюшка Лю и тётюшка Лю рисовали из-за семейных чувств, но ведь семейные чувства тоже происходят от любви!

Ся Пэй с гордостью улыбнулся, чувствуя себя очень умным.

Се Юаньши охладил его пыл:

— Художник, рисовавший для дядюшки Лю, делал это за деньги.

Ся Пэй серьёзно возразил:

— Но госпожа Цуй явно не ради денег!

Се Юаньши пояснил:

— Госпожа Цуй рисовала, чтобы показать себя на Пиру ста цветов.

Ся Пэй быстро парировал:

— Чтобы привлечь внимание госпожи Хуа Шестой? В любом случае, не чтобы привлечь внимание императора.

Се Юаньши: «...»

Се Юаньши с трудом сдержал раздражение, чувствуя, что его терпение на исходе. Закрыв глаза, он глубоко вздохнул три раза.

Он решил не обращать внимания на их глупости, учитывая, что они всё ещё дети.

В конце концов, такие разговоры останутся между ними, и никто не поверит этим сплетням. Пусть себе болтают.

Вечером Шэнь Юйчжу закончил просмотр докладных записок и приказал отправить их обратно во Внутренний кабинет. Хотя это был период новогодних праздников, государственные дела всё равно должны были идти своим чередом, и все вопросы требовали его одобрения.

Се Юаньши сидел рядом с ним, погружённый в свои мысли, даже после того, как доклады были отправлены.

Шэнь Юйчжу помахал рукой перед его лицом:

— О чём ты так глубоко задумался?

Се Юаньши машинально начал рассказывать:

— Я думал о госпоже Цуй и госпоже Хуа...

Он замолчал на полуслове. Почему он всё ещё думал об этом? Такая нелогичная история, и он сам попал под влияние болтовни Ся Пэя и Гу Дунцана.

— Ни о чём. — Се Юаньши потер виски.

Шэнь Юйчжу слегка потянул его за ухо:

— Ты сидишь здесь весь день, думая о девушках, и не об одной?

Се Юаньши возразил:

— Нет, я не...

Хотя он действительно думал о госпоже Цуй и госпоже Хуа Шестой, но не в таком ключе!

Шэнь Юйчжу с притворной обидой сказал:

— Ты сам только что сказал.

Се Юаньши вздохнул:

— Я просто размышлял.

— О чём?

Се Юаньши рассказал ему о разговоре Ся Пэя и Гу Дунцана утром:

— Как ты думаешь, это правда? Госпожа Цуй действительно... или это просто выдумки Гу Дунцана?

Шэнь Юйчжу не интересовался слухами о выборе императрицы. Хотя он и рисовал Се Юаньши из личных побуждений, но это не значит, что все, кто рисует портреты, испытывают чувства к объекту.

О том, что госпожа Цуй была заперта в храме, он слышал. Когда он попросил старейшину Суна порекомендовать художника, тот предложил госпожу Цуй, но он отказался.

Перед уходом старейшина Сун попросил у него милости для госпожи Цуй, объяснив, что она случайно разбила фарфоровую вазу, подаренную покойным императором её семье, и в наказание была заперта.

Шэнь Юйчжу, считая, что это была простая случайность, а не проявление неуважения, легко дал своё согласие.

Шэнь Юйчжу дословно пересказал слова старейшины Суна, и Се Юаньши немного успокоился.

Вот именно... Как могло быть так, как говорил Гу Дунцан?

Наверное, госпожа Цуй даже не подозревала, что из-за одной картины кто-то уже начал думать о её свадьбе с госпожой Хуа Шестой и их возвращении в родительский дом.

— Однако удивительно, что семья Хуа согласилась на помолвку госпожи Хуа Третьей с молодым генералом Мэном. Старейшина Хуа всегда был снисходителен к младшему поколению и вряд ли бы насильно устроил брак против её воли.

Шэнь Юйчжу сказал это, и поэтому...

— Значит, госпожа Хуа Третья сама согласилась на этот брак. — Шэнь Юйчжу заключил.

Услышав это, Се Юаньши заинтересовался. Отношения между этими двумя были известны всему Шанцзину, и удивительно, что они смогли сойтись.

— Интересно, как пройдёт их свадьба.

Шэнь Юйчжу улыбнулся, тоже находя это забавным:

— Некоторые люди кажутся врагами, но на самом деле могут быть очень близки.

— Давай не будем говорить о них. — Шэнь Юйчжу потянулся, чувствуя усталость в плечах после долгого просмотра докладов.

Се Юаньши машинально начал массировать его плечи, но Шэнь Юйчжу взял его руку:

— Не нужно, я в порядке.

— Твоя мать прислала из Цзяннаня повариху, которая специализируется на различных видах местных сладостей. Утром приходил Гу Дунцан, но привратник, наверное, ещё не сообщил тебе. Сладости, должно быть, уже готовы. Пойдём, посмотрим, есть ли что-то, что тебе понравится.

Выйдя на улицу, они столкнулись с холодным ветром, и Се Юаньши чихнул. Шэнь Юйчжу накинул на него капюшон:

— Будь осторожен, не простудись.

В это время Ся Пэй, схватив за рукав Се Цзю, присел в углу и начал жаловаться.

— После Пиру ста цветов прошёл всего месяц, а семьи Цуй и Хуа уже готовятся к свадьбе, а у императора до сих пор никаких движений!

— И наш господин! Портреты, которые император нарисовал, он их даже повесил в кабинете. Разве он не видит, что тут что-то не так?

Хотя император запретил ему говорить об этом господину, но сегодня он и Гу Дунцан постоянно говорили о рисовании. Хоть бы немного задумался!

Ся Пэй, сидя в углу, как грустный гриб, с досадой показывал пальцем на землю:

— У других люди раздеваются и ложатся в постель, а эти раздеваются, чтобы намазать спину мазью. У других друзья могут спать на одной кровати, а эти спят в одной комнате, но на полу!

На полу! Кто бы мог подумать?! Тот день, когда он увидел постель на полу, оставил у него глубокое впечатление.

Он тяжело вздохнул, глядя в небо:

— Некоторые люди кажутся такими близкими, но на самом деле они чище, чем братские отношения!

Помолвка.

Посмотри, как другие уже помолвлены.

После праздника Шанюань и начала работы вновь открывшегося двора все дела, которые не требовали срочного решения в праздничные дни, накопились. Шэнь Юйчжу был очень занят.

Повариха, присланная княгиней Цинь из Цзяннаня, пробыла в Шанцзине полтора месяца, а затем попросила отпустить её обратно. Се Юаньши, попробовав её сладости, нашёл их вкусными и попросил дядюшку Лю найти в Шанцзине мастеров, умеющих готовить подобные сладости.

Шэнь Юйчжу, узнав, что он ищет мастеров для приготовления сладостей, поручил поварам из императорской кухни также заняться этим. Всё, что они готовили, отправляли в поместье князя Цинь.

К началу марта, когда снег растаял и земля прогрелась, свадьба госпожи Хуа Третьей, Хуа Циньюй, и молодого генерала Мэн Аньи прошла с большим размахом.

Во время возвращения в дом невесты новобрачные продолжали подшучивать друг над другом, особенно госпожа Хуа Третья, которая теперь стала госпожой Мэн.

Но любой, кто видел их, мог заметить, что их отношения были полны тепла и близости, вызывая зависть у окружающих.

Из заклятых врагов они превратились в любимую всеми пару, и этот неожиданный поворот событий стал темой обсуждения всего Шанцзина менее чем за полдня.

Люди начали гадать, когда же они начали тайно испытывать чувства друг к другу?

— Ну, наверное, постепенно, со временем их отношение изменилось. — Ся Пэй с аппетитом грыз персик.

Гу Дунцан, также уплетая персик, делился этим большим слухом сначала в поместье принцессы, а затем пришёл в поместье князя Цинь.

Се Юаньши всё ещё спал после обеда. Солнце светило ярко, и Гу Дунцан с Ся Пэем, присев на корточки под окном галереи, с энтузиазмом обсуждали эту тему.

— Я думаю, это было ещё до того, как послы Западной У устроили тот пир.

Ся Пэй нахмурился, вытирая уголок рта рукавом. Гу Дунцан достал из кармана чистый платок и протянул ему. Ся Пэй взял его и небрежно вытер лицо, говоря Гу Дунцану:

— Но если они уже тогда испытывали чувства, почему всё выглядело так плохо? Наверное, позже они стали больше общаться, и их отношение изменилось. Возможно, молодой генерал Мэн долго ухаживал за госпожой Хуа Третьей, хе-хе.

Гу Дунцан явно не соглашался с его точкой зрения, покачал головой и сказал:

— Ты просто не понимаешь.

Се Юаньши не спал на кровати. Его мягкая лежанка стояла у окна, и он лежал, опираясь на руку, с закрытыми глазами. А за окном, в галерее, сидели Ся Пэй и Гу Дунцан.

Кто-то щипнул его за щеку.

Се Юаньши, не открывая глаз, лениво произнёс:

— Если будешь щипать дальше, моя щека станет плоской.

Шэнь Юйчжу сел на край лежанки:

— Может, я пощипаю в другом месте? Например, за нос, чтобы он стал выше?

Се Юаньши: «...»

— Откуда ты вошёл? Я не слышал, как открывалась дверь.

Шэнь Юйчжу действительно щипнул его за нос, но, посчитав, что щека приятнее, снова пощипал её и, довольный, убрал руку.

<http://bllate.org/book/16209/1454988>